

Когда Старейшина Ли прямо заговорил о деньгах, Великий бессмертный Ху для приличия замялся.

Он напустил на себя важный вид и степенно погладил бородку.

— Послушай, Ли, — промолвил он. — Небо милосердно ко всему живому. Пока я не удостоверюсь, что за всеми этими бедами стоит именно свирепый призрак Ли Сяохун, обещать ничего не могу.

— Да помяните моё слово, почтенный! Это всё она, девка неблагодарная! — Старейшина снова зашмыгал носом, изливая душу. — Я вам точно говорю! Когда я невестку из реки вытащил, она вообще не соображала, какой сегодня день. Говорит, легла вчера одна, заснула, и тут видит — в комнату входит баба в красном. Села на край кровати, лица не разглядеть, но голос — один в один Сяохун. А дальше — туман. Помнит только, как эта покойница пообещала ей что-то показать и потащила за собой гулять по дороге. Шла впереди, вела её за руку и всё оглядывалась, улыбалась...

Дойдя до этого места, старик Ли снова затрясся всем телом. Он опрокинул несколько чарок подряд, прежде чем сумел унять дрожь в руках.

— Помогите, почтенный! — взмолился он, глядя на Ху с надеждой. — Не отвяжется от нас эта тварь, изведёт под корень!

С этими словами он протянул «бессмертному» пухлый красный конверт.

— Ну что же ты, Ли, к чему такие церемонии, — проворчал Ху, ловко прикидывая вес подношения. Он довольно усмехнулся. — Посиди пока, приди в себя. Вот допью — и пойду потолкую с твоей гостьей.

— Спасибо! Век не забуду! — Старейшина едва не начал бить поклоны.

В окружении Старейшины, деревенского старосты и толпы любопытных зевак, Великий бессмертный Ху вразвалочку направился к дому Ли, где творилась чертовщина. Цзун Ванчуань, прикинувшись праздным зрителем, протиснулся в первые ряды.

Часы пробили восемь вечера. Над домом Ли сгустились сумерки, пропитанные страхом и ожиданием беды.

Ху, гордо неся за спиной Меч семи звезд из персикового дерева, обошёл всё подворье, заглядывая в каждый угол. После этого он велел вынести длинный стол и поставить его на пустом месте перед входом. На столе расставили нехитрый скарб: курильницу, пару свечей,

три чаши, кисть, канистру с рисовой водкой и ведро чистой воды. Напоследок из курятника приволокли здорового петуха.

Когда всё было готово, Ху первым делом поставил на землю пустую чашу. Схватив бьющегося в руках петуха, он одним взмахом ножа снёс птице голову. Алая кровь хлынула фонтаном, наполняя сосуд.

Петух издох. Ху поставил чашу с кровью на алтарь, швырнул туда горсть серого пепла неизвестного происхождения и плеснул немного красной туши. Тщательно перемешав это варево кистью, он выудил стопку желтой бумаги и принялся рисовать талисманы.

Жители деревни Ли верили в силу Ху беспрекословно. Глядя, как он на их глазах создаёт печати, они замерли, боясь даже вздохнуть. Однако Цзун Ванчуань видел истину: Ху рисовал пустышки. В этих бумажках почти не было духовной силы — их едва хватило бы, чтобы отогнать мелкую нечисть из придорожной канавы, не говоря уже о свирепом призраке вроде Ли Сяохун, находящейся на пике своего могущества.

«Похоже, сегодня мы увидим, как мертвец поучит "мастера" уму-разуму», — отстранённо подумал Цзун.

Он не раз видел, как самоуверенные медиумы гибли от рук тех, кого пытались изгнать. Глядя на алчность и похотливость Ху, Цзун не испытывал ни малейшего желания вмешиваться. Конечно, если Ли Сяохун зайдёт слишком далеко или решит вырезать заодно и непричастных, он не останется в стороне.

Интересно, как бы поступил Сяо Мин, будь он здесь? Стал бы глумиться, наблюдая со стороны, или достал бы мешок семечек? А может, просто забил бы на всё и уселся изучать свои «трактаты о любви»?

При мысли о бесстыжем, но чертовски привлекательном лице Сяо Мина Цзун горько усмехнулся.

Тем временем Ху закончил «священные печати».

— Это сокровище досталось мне от предков, — провозгласил он, потрясая бумажками. — Даже написанные простой водой, они изгоняют зло, а уж с петушиной кровью и пеплом из курильницы рода Ху... Сяохун — всего лишь озлобленная девка, а не тысячелетняя ведьма. Перед моей силой она вмиг явит истинный облик!

— Истинный святой! Настоящий небожитель! — запричитали Ли, заискивающе заглядывая ему в глаза.

Ху важно кивнул, отложил три талисмана под чаши, а остальные всучил Старейшине.

— Держи крепко. Закончу ритуал — научу, что с ними делать.

Ли посыпал благодарностями, а Ху приступил к представлению. Он зажёл две длинные свечи, пробормотал молитву, а затем, распустив волосы, выхватил меч. Топая в ритме «шага семи звёзд», он закружился вокруг стола, выкрикивая невнятные заклинания и время от времени брызгая на лезвие водкой.

Спустя десять минут этого энергичного балагана Ху внезапно подцепил талисман кончиком меча. Резкий взмах — и на бумаге проступили кровавые пятна! Деревенские так и ахнули, решив, что призрак пойман, и зашлись в аплодисментах.

Довольный произведённым эффектом, Ху крутанул меч, и бумага вспыхнула ярким пламенем. Зрители окончательно уверились: их спаситель — великий мастер, для которого прикончить нечисть — раз плюнуть.

Цзун Ванчуань лишь нахмурился. Весь этот цирк был рассчитан на живых. Самой Ли Сяохун здесь даже близко не было.

«Где же она?»

Едва эта мысль пронеслась в голове, как в толпе кто-то вскрикнул:

— Берегись!

Талисман на мече Ху внезапно полыхнул яростным, метровым пламенем. Огонь, словно живой, метнулся прямо к лицу «мастера». Ху, не ожидавший такой прыти от собственного реквизита, в ужасе отбросил горящий меч.

— Ах ты тварь! Думаешь, напугала?! Ну, сейчас старик тебе... — Он запнулся.

В горле что-то мешало. словно между зубами застряла нитка. Ху запустил пальцы в рот, нащупал что-то и потянул. Это был длинный женский волос.

Он тянул и тянул, но волос казался бесконечным. Из горла донеслись странные звуки — влажное, хлюпающее «глу-глу», будто что-то изнутри цеплялось за эту нить и ползло наружу.

Ху, хоть и был шарлатаном, кое-какое чутье имел. Поняв, что дело дрянь, он перестал тянуть и хрипло выкрикнул:

— Назад! Все назад! Бегите... а-а-агх!

Его челюсть неестественно хрустнула, рот разорвался до самых ушей. Сгустки крови и слизи хлынули на землю, а следом за ними...

Печень, селезёнка, лёгкие, почки, скользкие кольца кишечника — всё нутро Ху вывалилось наружу, на грязную землю. Поверх этой груды влажно и судорожно колотилось всё ещё живое сердце.

Глаза Ху закатились, и он рухнул навзничь. Из разодранного рта продолжала толчками вытекать тёмная кровь.

Деревенские обезумели от ужаса. С воплями они бросились врассыпную, забиваясь в свои дома, запираясь на все засовы и кутаясь в одеяла, призывая Будду, Иисуса и всех богов разом.

Семья Ли не стала исключением. Бросив умирающего Ху в луже собственной крови, они вихрем влетели в дом. Ли Сяоань из-за своих каблуков бежала медленнее всех, и родные, в диком порыве спасти собственные шкуры, просто захлопнули дверь прямо перед её носом.

Сяоань замерла, не веря своим глазам. Она постучала в окно, позвала, но ответа не дождалась. Содрогаясь от рыданий, она медленно развернулась и побрела в темноту, обхватив себя руками.

Цзун Ванчуань, наблюдавший за всем из тени раскидистого дерева, не шелохнулся. Он ждал появления Ли Сяохун, но вместо призрака перед ним предстала Сяоань, от которой за версту веяло дыханием смерти.

Видя её полное отчаяния лицо, Цзун бесшумно вышел из тени.

— Девушка, почему вы не идёте домой?

Ли Сяоань вздрогнула и обернулась. В ночной мгле, густо перемешанной с туманом, она не могла разглядеть его лица, но почувствовала исходящее от него спокойствие и какую-то странную доброту.

— Мне некуда идти, — глухо отозвалась она и бессильно опустилась на землю у корней старого дерева.

— Какое совпадение, — Цзун прислонился к стволу рядом с ней, скрестив руки на груди. Его силуэт казался бесконечно одиноким в этом туманном мареве. — Мне тоже.

Ли Сяоань подняла голову, глядя на тёмную крону над ними.

— Красавчик, а ты... ты призрак?

Цзун усмехнулся.

— С чего ты взяла?

— Сейчас ночь. А ты такой... ладный. Не похож на наших. Местные никогда бы не заговорили со мной так... мягко.

Она прикусила губу и тихо добавила:

— Раз уж мы оба призраки, скажи... ты не знаешь, где Сяохун? Если встретишь её, передай, пожалуйста, что я за неё молюсь. И пусть не возвращается. Отец, мать, брат — они все её ненавидят. Уверены, что это она сгубила ребёнка в утробе невестки... Они ведь мастера вызвали, чтобы её душу стереть в порошок.

Сяоань горько усмехнулась своим мыслям.

— На самом деле, если бы Сяохун была тем бездушным свирепым призраком, каким они её малюют, она бы давно отправила их всех вместе с Хромым Хуаном к праотцам. Она ведь хорошая девочка. Даже став призраком, она не находит в себе сил причинить вред родным. Так было всегда...

— Жаль только, твои родные ей не верят.

— Потому что сами погрязли во грехе, — Сяоань вытерла слёзы. — У них в душе черти пляшут, вот они и дрожат, уверенные, что Сяохун им должок вернёт. Она ведь стала такой только потому, что они её до края довели. Они — истинные виновники. И я... я ничем не лучше. Если бы я только не отдала ей ту вещь...

<http://bllate.org/book/17576/1713662>